

Костюм сидел безупречно. Когда Хао Су, встав на одно колено, оперся на кровать, линии его фигуры приобрели особую выразительность. Даже галстук он выбрал тот самый, который утром повязал ему Фань Цин. Безукоризненный, он придавал его облику оттенок нежной, почти недостижимой чистоты.

На прикроватной тумбочке, рядом с подаренной Фань Цином розой, стояла фотография. Хао Су выбрал снимок, на котором отчетливо виднелись следы зубов на плече. На холодном белом фоне выделялись манящие алые пятна. Виновник этого «украшения» не раз припадал губами к самой вершине плеча, оставляя круг за кругом отчетливые отпечатки зубов. Он действовал решительно — можно было лишь догадываться, сколько сил стоило Фань Цину в библиотеке сдерживать себя, чтобы не вскрикнуть и не привлечь лишнего внимания. Рядом с укусами темнел багровый отпечаток пальца. Это Хао Су, не снимая с Фань Цина одежды, одновременно подгонял его и запугивал, и за секунду до перезагрузки личного домена, когда Фань Цин в изнеможении согнулся, Хао Су крепко сжал его плечо. Боль и наслаждение сплелись воедино в одном теле.

Хао Су увидел эту фотографию, когда помогал Фань Цину забирать вещи. В комнате было так мало мебели, что снимок сразу бросался в глаза. Теперь они жили вместе. Квартира Фань Цина была съемной, и после обсуждения они решили, что, как только истечет срок договора, Фань Цин переедет к нему окончательно.

Стоило Хао Су приблизиться, как личный домен подчинился воле хозяина. Они мгновенно оказались в лекционном зале, где проходило дневное выступление. Тела, повинаясь инстинктивным правилам домена, разошлись на почтительное расстояние: один за кафедрой, другой — в зале. На огромном белом полотне проецировалась презентация, и каждый вошел в свою роль.

— А теперь перейдем к... — начал доктор.

Он впервые читал лекцию в университете и был предельно серьезен, но не ожидал, что среди слушателей окажется столь невоспитанный гость. Парень в небрежно распахнутой рубашке, с бледным, красивым лицом и распухшими от поцелуев губами приковывал к себе все взгляды. Казалось, он только что прервал страстное свидание, чтобы успеть на лекцию, наскоро накинул чужой пиджак и прибежал сюда, даже не скрыв засос на шее.

Студент сидел в толпе, всем своим видом выражая наплевательское отношение. Он пришел только ради зачета и не собирался вникать в слова доктора. Время от времени он позволял себе мелкие провокации, а затем с торжествующей улыбкой наблюдал за замешательством лектора.

Хао Су, стоя на трибуне, без труда заметил озорника. Тот был слишком замечен: за невинной внешностью скрывалась порочность и распущенность. Их взгляды встретились. Серьезный доктор поджал губы, его глаза, спокойные и мягкие, но полные властного давления, зафиксировались на студенте. Тот почувствовал этот взгляд, но продолжал бросать вызов авторитету.

Доктор сошел с трибуны и остановился прямо перед ним. Вблизи давление стало невыносимым. Не успел он проронить ни слова, как дерзкий студент притих, его щеки залил румянец — словно все его выходки были лишь способом привлечь внимание врача. Он сидел на стуле в красном чехле, вызывающе закинув ногу на ногу, а под рубашкой у него ничего не было.

— Как тебя зовут? — доктор наклонился, и его взгляд за стеклами очков остро пронзил парня, хотя в голосе не было и намека на то, что он заметил его состояние.

Сердце студента пропустило удар. Его конечности обмякли, но внутри разлилось возбуждение.

— Фань Цин, — ответил он почти машинально.

— Фань Цин, — повторил доктор, и его глаза внезапно стали холодными, словно покрылись инеем.

Он неожиданно схватил Фань Цина за запястье и рывком поднял с места, заставляя предстать перед всеми взглядами.

— Пришел сюда в таком виде, чтобы соблазнить меня?

Студент испортил его выступление, и доктор не собирался прощать это просто так. Это была холодная месть — заставить его опозориться на глазах у всех. Хао Су притянул Фань Цина к себе, и каждое его унижительное слово заставляло парня дышать чаще, а зрачки — расширяться. Другой рукой он коснулся губ Фань Цина, надавливая на них так, что тот невольно застонал. Вокруг воцарилась тишина, и только стоны Фань Цина эхом разносились по залу.

— М-м? — доктор, отбросив маску холодности, показал свое истинное лицо. Он не тот, с кем можно играть.

Фань Цин с того самого момента, как встал, не мог сопротивляться — он держался на ногах лишь благодаря поддержке Хао Су. Он начал сбивчиво молить о пощаде, растеряв всю свою спесь.

Хао Су бросил взгляд вниз и вздохнул:

— Какой же ты непослушный ребенок.

Он слегка согнул колено, дразня и не давая того, чего хотелось, из-за чего Фань Цин был на грани краха.

— Похоже, сегодня мне придется проучить тебя как следует, чтобы ты запомнил урок.

Доктор отстранился, но студент, ведомый желанием, попытался податься вперед, однако был безжалостно оттолкнут. Затем его почти волоком потащили к трибуне. Хао Су не церемонился: бросил его на стол, и стоило ему слегка потянуть, как единственная одежда на парне распахнулась. Лекция окончательно сменила формат. Стоило Фань Цину повернуть голову, как он видел изумленные и жадные взгляды присутствующих.

— А теперь проанализируем строение человеческого тела. Благодарю студента Фань Цина за демонстрацию, — голос доктора, усиленный микрофоном, разнесся по залу.

Фань Цин пребывал в полуобморочном состоянии. Он лежал на столе, обнаженный перед сотнями глаз, а доктор, наклонившись, прикрыл микрофон и прошептал ему на ухо:

— Ну как, чувствуешь возбуждение от того, что на тебя все смотрят?

Он вовсе не был благородным джентльменом — в нем скрывался настоящий волк. Фань Цин смотрел в пустоту, чувствуя, как свет софитов и липкие взгляды толпы пронзают его насквозь. Он не смел пошевелиться, вся его прежняя дерзость испарилась, оставив лишь желание уцепиться за того, кто был единственной опорой. Но тщетно — доктор не знал жалости.

На экране вместо слайдов появилось тело Фань Цина. Хао Су с профессиональным видом надел медицинские перчатки и начал осмотр с головы. Прохлада латекса заставляла ресницы Фань Цина дрожать.

— Область шеи ограничена передним краем трапециевидной мышцы... — Хао Су подхватил ладонью шею Фань Цина, фиксируя его в неудобном положении. Пульс на сонной артерии под его большим пальцем бился намного чаще нормы.

Затем последовало описание грудной клетки. После того как врач надел перчатки, каждое его движение стало холодным и расчетливым. Фань Цин прикусил губу, чтобы не вскрикнуть. Но его терпение не вызывало сочувствия — напротив, доктор лишь сильнее давил на болевые точки. Только когда кожа покраснела, он с коротким щелчком отстранился, переходя к ребрам.

— У человека двенадцать пар ребер, они симметричны, — пальцы Хао Су скользили по костям.
— Давай-ка пересчитаем.

Фань Цин был худым, но не костлявым, поэтому, чтобы прощупать каждое ребро, требовалось усилие. Смесь зуда и наслаждения захлестнула его, и когда он хотел позвать Хао Су, тот внезапно обнял его. Доктор действовал решительно, срывая с него рубашку. Изящный изгиб спины напоминал произведение искусства. Хао Су вел рукой вдоль позвоночника, подробно описывая его строение. Фань Цин не видел людей внизу, он уткнулся лицом в плечо доктора, пытаясь обнять его, но ему было запрещено двигаться.

— Хао Су... — он больше не звал его доктором, умоляя положить конец этой пытке.

Но тот лишь ответил коротким, поверхностным поцелуем — инструментом, чтобы сделать «демонстратора» послушнее.

— Теперь мы можем наглядно изучить самые твердые гладкие мышцы и соединительные ткани.

В руке доктора из ниоткуда возник колокольчик на красной ленте. Когда он собирался надеть его на парня, Фань Цин, не выдержав издевательства, попытался слабо воспротивиться.

— Не здесь...

— А где? — красная лента уже сомкнулась, затягиваясь туго.

Фань Цин обмяк, прикрыв глаза и окончательно покоряясь воле доктора.

Когда урок анатомии был окончен, Фань Цин оказался на руках у Хао Су. Даже если в зале сидели лишь виртуальные фигуры, он больше не хотел смотреть на них. Перчатки были сброшены на край стола, с них капала влага, отражая свет ламп.

— Хао Су... — веки Фань Цина распухли от слез, голос срывался на всхлипы. Несмотря на это, он жаждал продолжения.

И правила домена, и сам Фань Цин находились во власти Хао Су.

— Это то, о чем ты мечтал вчера? — Хао Су отбросил роль доктора и мягко спросил, доволен ли он.

Тело Фань Цина в его объятиях снова вздрогнуло, последовал тихий, разбитый ответ:

— Да.

Окружающий мир начал распадаться, и Хао Су перенес их в другое место. Розы на тумбочке качались от их движений, и к рассвету на лепестках заблестела роса. Звон колокольчика не стихал всю ночь.

В комнате плотно задернуты шторы, дневной свет не проникал внутрь. На полу валялась измятая рубашка, явно использованная вместо полотенца. Галстук висел на спинке стула,

рядом — костюм. Под утро они вернулись из домена в реальность. Фань Цин был покрыт потом, его голос, сорванный до полуслова, после напоминания Хао Су он едва сдерживал. Контраст между иллюзией и реальностью был огромен.

— О чем ты думал, когда смотрел на меня на лекции? — спросил Хао Су.

— Я... — Фань Цин, привыкая к реальности, обнял его. Его сознание путалось, он мог реагировать лишь на слова Хао Су.

Хао Су напомнил, что они в реальности, поэтому нужно молчать. Хао Су напомнил, что в домене можно кричать во весь голос.

— Хотел запереть тебя, — голос Фань Цина дрожал. — Чтобы ты видел только меня, был только со мной.

Хао Су на той трибуне был ослепителен. Фань Цин любил такого Хао Су, но в порыве возбуждения в нем рождалась темная собственническая страсть. Он хотел изолировать его от всех, запереть в комнате, чтобы только он мог видеть Хао Су, чтобы только он обладал им.

— Ты и правда плохой мальчик, — без тени осуждения произнес Хао Су, словно искушая его. — Хочешь попробовать?

В личном домене возможно все. Они могли быть серьезным врачом и нерадивым студентом, или безумным собственником и беспомощным доктором.

Снова вернувшись в домен, они сменили сценарий. Доктор приехал с лекцией, но был замечен кем-то влиятельным. Студент, обладавший огромной властью, силой забрал его домой, не дав закончить выступление. В роскошном особняке все было устроено по вкусу доктора. Студент был искренен в своем обожании, но, нежно прося о любви, надел на его лодыжку специально выкованную цепь. Фань Цин хотел присвоить доктора — и преуспел. Врач не мог сбежать.

Но даже завладев телом, студент так и не получил сердца. Доктор был холоден, даже в постели проявлял отвращение. Студента это не смущало — он старался угодить ему, довольствуясь крохами внимания.

— Доктор, я хочу видеть, как вы теряете рассудок ради меня.

Он не увидел этого, но по воле доктора сам лишился всякого самообладания. Белый халат, купленный Фань Цин, пришелся кстати — он скрывал цепи и их самих от всего мира.

Границы между доменом и реальностью стирались. Розы в хрустальной шкатулке и те, что стояли в вазе, сливались воедино. Фотография на тумбочке с грохотом упала, перевернувшись. Правила домена поддавались их влиянию, сцена снова прыгнула в тишину библиотеки.

Книжные полки падали одна за другой, а в грохоте тонул плач Фань Цина. А Хао Су продолжал, словно они еще не были знакомы в реальности, шептать, как хорош Фань Цин, как он великолепен...

На следующий день, когда Хао Су пришел в больницу, Вэй Кэ прислал ему запись лекции и подшутил:

— Скажи, твой парень такой милый, что даже лекции твои коллекционирует?

— Вы уже выбрали место для ужина? — Вэй Кэ, поняв, что Хао Су не хочет обсуждать личное, перевел тему.

Хао Су не собирался оставлять почву для сплетен. Как только он узнал о своих «поклонниках», сразу обозначил позицию. Взрослые люди ценят взаимность, а когда Хао Су расставил все точки над и, те, кто был поумнее, отступили. А тех, кто помоложе, Хао Су отпугивал одним своим ледяным взглядом.

С тех пор как он прочитал лекцию в университете Фань Цина, слухи о том, что парень Фань Цина — лишь плод воображения, развеялись. Однокурсники знали, что они вместе, и считали их идеальной парой.

После того как Хао Су пригрозил Дай Сюаню в библиотеке, тот перестал донимать Фань Цина. Он надолго притих, и никто не мог добиться от него ни слова. Чжэн Чэн лишь молча наблюдал со стороны.

В день выпуска Фань Цина Хао Су присутствовал на церемонии как член семьи. Отношения были известны всем, и Хао Су уже познакомил Фань Цина с родителями. Ему было двадцать девять, и родители давно беспокоились о его судьбе. Сначала они знакомили его с девушками, но со временем начали подозревать, что сын предпочитает мужчин. Они смирились, решив, что главное — чтобы он не остался один. Но Хао Су был непреклонен ко всем кандидатурам, пока не встретил Фань Цина.

Эта поездка Хао Су домой вместе с Фань Цином принесла родителям последнего некоторое облегчение. В том же году Фань Цин рассказал им о своих отношениях с Хао Су. Родители Фань Цина были настоящими трудоголиками: с самого рождения сына они почти не занимались его воспитанием, поэтому Фань Цин с детства рос под присмотром нянь. Единственное, в чем они проявили ответственность — это тщательный выбор нянь, так что им удалось избежать появления рядом с сыном людей с дурными намерениями. Впрочем, нельзя сказать, что им было совсем плевать на ребенка. Узнав, что он начал встречаться с Хао Су, родители Фань Цина специально выделили свободный день, чтобы встретиться с ними обоими. В общем, к настоящему моменту и семьи, и близкое окружение уже приняли их союз.

— Счастливого выпускного, Цин-Цин, — Хао Су вручил Фань Цину заранее подготовленный букет. Тот принял его, и из-за огромного размера цветов казалось, что он почти целиком скрылся за ними. Хао Су воспользовался моментом и сделал снимок — композиция получилась весьма занятой.

Не успели они обменяться и парой фраз, как неподалеку показался Дай Сюань. Он выглядел так, будто собирал остатки мужества, его руки нервно сжимались. Дай Сюань уже однажды испытал на себе подавляющий взгляд этого мужчины, и даже спустя год отчетливо помнил тот страх.

— Фань Цин, мне нужно с тобой поговорить.

Он остановился в пяти шагах от Хао Су и Фань Цина, глядя только на последнего.

Хао Су произнес:

— Если есть что сказать, говори здесь.

Раньше Дай Сюань, возможно, начал бы злиться, но за этот год его спесь изрядно поубавилась. Чжэн Чэн советовал ему извиниться перед Фань Цином, но тогда он так и не решился, хотя в глубине души понимал, что Чжэн Чэн был прав и он действительно совершил ошибку. Но с одной стороны, уязвленное самолюбие не давало признать вину, а с другой — мешало упорство.

Однако, покинув стены университета и шагнув во взрослую жизнь, он сильно повзрослел. Как единственный наследник семьи Дай, Дай Сюань хотел добиться признания за счет собственных заслуг, поэтому на стажировку в последний год обучения выбрал компанию своего отца. Он хотел начать с самых низов и доказать свою состоятельность делом. Возможно, это была судьба, но мир никогда не страдает от недостатка людей, которые не способны трезво оценить себя и стремятся сокрушить любого, кто кажется им успешным. Среди тех, кто пришел в компанию одновременно с Дай Сюанем, нашелся именно такой человек. Методы, которые он применял против Дай Сюаня, были даже более жестокими, чем те, что когда-то использовал сам Дай Сюань против других. Именно в этот период Дай Сюань осознал, насколько отвратительно он вел себя в прошлом. Человек начинает чувствовать боль, только когда нож вонзается в его собственную плоть. Дай Сюань каждый раз думал, что это его возмездие.

Извинения, которые нужно было принести еще год назад, затянулись до этого самого дня. Дай Сюань мог бы, как многие другие, написать сообщение в соцсетях, но чувствовал, что это не будет искренне. Однако найти Фань Цина лично было сложно — тот редко появлялся в университете. День выпускного стал его последним шансом, и даже под прицелом множества глаз Дай Сюань произнес эти три слова:

— Прости меня.

Я не должен был завидовать твоим успехам и притворяться, что случайно тебя вытесняю. Дай

Сюань на глазах у всех выложил всё, что совершил. Он честно смотрел в лицо своим ошибкам и нашел в себе смелость их исправить.

— Я прошу прощения не ради того, чтобы получить твоё прощение, а потому что должен был это сделать. Фань Цин, ты очень талантлив. Раньше я нес всякую чушь, не подумав. И ты, и твой парень — прекрасные люди. Я верю, что вы будете счастливы вечно.

Все те ядовитые слова, продиктованные завистью, были сказаны бездумно, и их не стоило принимать близко к сердцу.

— Ого, значит, Дай Сюань цеплялся к Фань Цину из-за этого?

— Чжэн Чэн, ты что, знал об этом заранее?

Пока Дай Сюань извинялся, студенты вокруг начали перешептываться. Их учили не пинать лежащего, поэтому они не стали злорадствовать. Раньше они не присоединялись к травле, а сейчас не стали унижать Дай Сюаня — это был просто обмен мнениями и любопытство. Чжэн Чэн, выслушав их, не стал ни кивать, ни отрицать. В его взгляде промелькнуло облегчение: по крайней мере, ему больше не нужно было бояться потерять хорошего друга.

— Я услышал тебя, — ответил Фань Цин на извинения Дай Сюаня.

Сказав это, он потянул Хао Су за собой, чтобы сфотографироваться в другом месте. Это заставило Дай Сюаня осознать: для Фань Цина, кроме Хао Су и его самого, никто другой не имеет значения. Несмотря на свою замкнутость и страх перед общением, он был так же тверд в своих убеждениях, как и Хао Су. Он никогда не ставил его ни во что, потому что в этом просто не было нужды.

Дай Сюань усмехнулся про себя, обернулся и увидел Чжэн Чэна. Кроме Фань Цина, он был должен извинения своему лучшему другу. Если бы тот не открыл ему глаза в своё время, он, возможно, до сих пор пребывал бы в заблуждении. Но, к счастью, всё не дошло до самого худшего финала. А что касается проблем в компании — со временем он найдет способ их решить.

Солнце клонилось к закату, и выпускной торжественно завершился. Когда Хао Су, держа Фань Цина за руку, не спеша направлялся домой, он ожидаемо услышал голос системы:

— День. Текущая задача в этом мире выполнена. Хозяин готовится к перемещению в следующий мир, пожалуйста, приготовьтесь.

— Система, какой была исходная сюжетная линия Фань Цина в этом мире?

— В оригинальной истории Дай Сюань постоянно травил Фань Цина, и никто не вмешался вовремя, чтобы его остановить.

Система ответила так же лаконично, как и в прошлый раз. Мужчина закрыл глаза:

— Поехали.

<http://bllate.org/book/21608/2228648>